

9. *Vosmoy sezd RKP (b). Mart 1919. Protokoly* [Eighth congress of RCP (b). March, 1919. Protocols]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. XVIII + 602 p.
10. *Devyatyy sezd RKP (b). Mart–aprel 1920. Protokoly* [Ninth congress of RCP (b). March–April, 1920. Protocols]. Moscow, 1960. 650 p.
11. *Bolshevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927* [Bolshevist management. Correspondence. 1912–1927]. Moscow, 1996. 423 p.
12. *Zemtsov B. N. Istochnikovedeniye istorii Rossii. Ch. III. Sovetsky period* [Source studies of history of Russia. P. III. Soviet period]. Moscow, MESI Publ., 2004. 369 p.
13. *Desyatyy sezd RKP (b). Mart 1921. Stenografichesky otchet* [Tenth congress of RCP (b). March, 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 727 p.
14. *Trinadtsatyy sezd RKP (b). May 1921. Stenografichesky otchet* [Thirteenth congress of RCP (b). May 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 883 p.
15. *Odinnadtsatyy sezd RKP (b). Mart–aprel 1922. Stenografichesky otchet* [Eleventh congress of RCP (b). March–April, 1922. Verbatim record]. Moscow, 1961. 873 p.
16. Bukharin N.I. *Izbrannyye trudy* [Selectas]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 504 p.
17. *Izvestiya TsK KPSS* – News of the Central Committee of CPSU, 1989, no. 4.
18. Ken O., Rulasov A. *Politbyuro TsK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentirovaniya. Ch. I. Dekabr 1928 – iyul 1934* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and relation of the USSR with the western neighboring states (end of 1920–1930-s): Problems. Documents. Experience of commenting. P. 1. Dec. 1928 – July 1934]. Saint Petersburg, Evropeysky dom, 2000. 701 p.
19. Stalin i Koganovich. *Perepiska. 1931–1936* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 798 p.
20. *Politbyuro TsK VKP (b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and Council of ministers of the USSR. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 656 p.

УДК 316.776

КОНТУРЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Карпова Анна Юрьевна,

канд. социол. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: belts@tpu.ru

Актуальность исследования продиктована необходимостью и важностью изучения изменений в технологии политической риторики, используемой в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием. Цель работы – очертить основные контуры современной политической риторики в России, описать то, какую реакцию вызывают риторические уловки в среде экспертов (социологов, политологов, журналистов), и какое отражение такая «языковая игра» находит в обществе.

Методы исследования: сравнительный анализ, вторичный анализ данных социологических исследований.

Результаты исследования: Перформативность (действенность) речей политических ораторов сегодня является существенным отличием политического дискурса современной России от постперестроечного периода. Контуров публичной политики в современной России проявляются через внутренние феномены – риторические уловки политических лидеров. Это – двоемыслие, рефрейминг, мифологизация. Политическая риторика сегодня выступает как формой выражения политики правящей группы, так и стимулом к конкретным политическим действиям.

Выводы: Двоемыслие власти маскирует различные цели, которые в конкретный момент времени выгодны политической элите, по сути, это основа идеологии правящей партии. Двоемыслие власти порождает двоемыслие в обществе. Рефрейминг, или смена фрейма, ведет к тому, что в сегодняшней политике выигрывает тот, у кого фрейм сконструирован наиболее искусно, он выступает носителем смыслового концепта, посредством которого аудитория интерпретирует окружающую политическую, экономическую, социальную действительность. Мифологизация становится одним из нерациональных средств управления обществом. В целом риторические уловки современных российских политиков подрывают доверие в обществе и становятся серьезным препятствием для ведения реального диалога между властью и обществом.

Ключевые слова:

Технология, политический дискурс, политическая риторика, аргументация, двоемыслие, фрейм, рефрейминг, метафора, миф, мифологизация.

Два последних десятилетия в истории России связаны с формированием нового политического дискурса, цель которого «состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического

дискурса не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [1. С. 156].

Эксплицитно в политическом дискурсе реализуется задача распространения той идеологии, которая соответствует интересам господствующего

класса. ИмPLICITно ее распространение должно происходить таким образом, чтобы в обществе воспринимали данную идеологию как соответствующую интересам народа.

С одной стороны, ничего нового в реализации данной задачи на первый взгляд не прослеживается. Еще сто лет назад итальянский философ и политик А. Грамши создал учение о гегемонии, центральный тезис которого: установление гегемонии происходит через сознательное манипулирование массами при помощи идеологии. Данный тезис подтвержден всем ходом развития человеческой истории. По мнению одного из исследователей современных политических коммуникаций С. Карамурзы, «идеология... средство господства в современном мире» [2. С. 418].

С другой стороны идеология, распространяясь по каналам СМК, обретает свои четкие контуры в политической риторике, через публичные высказывания политиков, и по выражению А. Хиршмана определяется «императивами аргументации» [3. С. 9].

В данной работе мы рассматриваем политический дискурс сегодняшней России как властный ресурс влияния. Контур политической риторики в современной России проявляются через внутренние феномены – риторические уловки политических лидеров.

Целью работы мы видим необходимость очертить основные контуры современной политической риторики в России, описать то, какую реакцию вызывают риторические уловки в среде экспертов (социологов, политологов, журналистов) и какое отражение такая «языковая игра» находит в обществе.

Как указывает французский философ Поль Вирилио, исследующий стратегию информационных обманов в поле публичной политической коммуникации: «...главным искусством в политике демократий было красноречие, которое завоевывало голоса и одобрение» [4. С. 61–62]. Со времен античности существует априорный тезис: Слово – главное орудие политика. Умение ясно и четко сформулировать и донести до масс через стиль речи идеологию – это искусство и в то же время главная задача политического оратора.

Перформативность (действенность) речей политических ораторов сегодня является существенным отличием политического дискурса современной России от постперестроечного периода. Советское время можно кратко охарактеризовать как период декларативной риторики.

Сила политического оратора сегодня измеряется количеством (но не всегда качеством!) той аудитории, которую он собрал для своей поддержки. Убедительная речь позволяет политикам привлечь на свою сторону большинство, то есть обеспечить согласие с проведением реформ, которые на сегодняшний день являются значимыми для господствующей группы. Инструментом достижения данной цели является аргументация.

П. Вирилио предсказывал, что «в отличие от дискурса представителей традиционных партий, полных политических банкротов, дискурс новых политических топ-моделей будет hard и убедительным» [4. С. 63]. Именно здесь кроется новизна, на которую указывал еще в середине прошлого века бельгийский философ Х. Перельман. «Новая риторика», по мнению Перельмана, выстраивается по законам логики аргументации, в отличие от законов формальной логики Аристотеля (строгого доказательства). Он пишет: «...в то время как формальная логика есть логика доказательства, или демонстрации, неформальная логика есть логика аргументации. Если доказательство может быть правильным или неправильным, то аргументация может быть более или менее сильной, подходящей или убедительной» [5. С. 11].

Работы Х. Перельмана послужили основой нового направления в развитии теории аргументации. Суть нового понимания Аристотелевской риторики в исследовании Перельмана можно кратко свести к следующим тезисам:

- в диалектических (неформальных) рассуждениях представлены в качестве аргументов правдоподобные суждения, которые широко используют в своей практике современные политики, судьи, представители гуманитарных профессий;
- в отличие от логики аргументации, демонстративные (аналитические) рассуждения строятся на доказательствах формальной логики;
- логика аргументации (неформальных рассуждений) – это и есть «Новая риторика»;
- поскольку с помощью рационального (доказательного) убеждения не всегда можно прийти к необходимому результату (поддержке политика – Прим. автора), постольку необходимы иные стратегии речевого воздействия;
- «Новая риторика» ориентирована на те стратегии, в которых учитываются особенности аудитории, на которую направлено воздействие. Цель – получение согласия с проводимой политикой. Как указывает сам автор: «...новая риторика, подобно старой, стремится также склонить или убедить слушателей, чтобы получить их согласие. Оно может быть сначала теоретическим, хотя оно может выражаться в предрасположенности к действию, или же практическим, провоцирующим либо непосредственное действие, либо решение или обязательство действовать» [6. С. 10–11].
- ориентация на конкретную аудиторию подразумевает необходимость учитывать эмоциональную, психологическую сторону объекта воздействия, а также субъективные характеристики конкретной группы.

В практике публичной политики давно известен «эффект ожидания»: каждый человек ожидает услышать в речи оратора то убедительное, аргументированное доказательство, которое, накладываясь на его субъективные представления, скажет-

ся на приятии/неприятии внушаемой точки зрения. В том случае, если речевое поведение оратора нарушает «картину представлений» объекта в отрицательном смысле, соответственно уменьшается эффективность воздействия. Если оратор внезапно изменяет ожидания объекта в положительном смысле, то эффективность воздействия резко увеличивается. На это косвенно указывал в 60-е гг. прошлого века М. Фуко, формулируя основные аспекты изучения дискурса, в том смысле, что дискурс, как закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, имеет своим предназначением не только отражать, но и проектировать социальную реальность. Он отмечает, что «задача уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [7. С. 427–428].

В качестве основных тезисов мы предлагаем рассматривать следующие:

Во-первых, контуры политической риторики в современной России мы предлагаем рассмотреть через риторические уловки: двоемыслие, рефрейминг, мифологизацию.

Во-вторых, эффективность воздействия на аудиторию в результате применения риторических уловок, по-нашему мнению, снижается, поскольку «эффект ожидания» не подкрепляется аргументированными доказательствами со стороны политических ораторов, что, в свою очередь, приводит к неприятию внушаемой точки зрения. Подтверждением данного тезиса, на наш взгляд, могут послужить данные социологических исследований, которые приводятся в качестве примера по поводу каждого из феноменов риторических уловок.

В-третьих, необходимо различение функций современной политической риторики в России на уровне категории должного и сущего. В данном случае антитезой выступает противопоставление того, как эти функции реально осуществляются, с тем идеалом, в котором заложен источник духовного единства нации.

В категории долженствования функции политической риторики можно определить следующим образом:

1. Обеспечение культурного единства.
2. Нравственное укрепление общества.
3. Воспитательная и организующая.
4. Консолидирующая.
5. Арбитражная.
6. Объединяющая.
7. Оценивающая.

В категории сущего функции политической риторики следующие:

1. Идеологическая – вектор воздействия.
2. Интенциональная – целенаправленность воздействия.
3. Манипулятивная – скрытое воздействие.

Такое различие мы считаем обоснованным, поскольку манипуляции массовым сознанием осуществляются через функцию наличных (существующих) интересов властвующей элиты. Функциональная направленность риторики нынешних политических лидеров осуществляется на уровне тех идеологов, с помощью которых имплицитно выражается приверженность интересам конкретных политических групп. Существенную роль в выполнении интенциональной функции играют риторические манипуляции, способствующие борьбе за власть, при этом происходит элиминирование интересов аудитории как объекта идеологического воздействия.

Мы полагаем, что риторические уловки современных политических лидеров обладают устойчивыми типическими чертами, при помощи которых можно описать контуры современной политической риторики. Поэтому предлагаем в качестве примера рассмотреть доминирующие практики политической риторики, нацеленные на получение согласия со стороны аудитории с идеологией правящей элиты и удержание власти.

Двоемыслие

В 1949 г. выходит в свет роман «1984» английского публициста, писателя Джорджа Оруэлла. В романе-предупреждении об угрозе тоталитаризма он вводит термин «двоемыслие», обозначая речевой стереотип, который, по сути, является в описанном обществе искаженной нормой, и в рамках новой идеологии оказывает влияние на мысли людей.

Как писал сам автор: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины... Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, извлечь его из забвения, едва он опять понадобится, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это необходимо» [8. С. 201].

Столь эффектный термин стал активно использоваться не только журналистами и писателями, но и прочно вошел в научный оборот и политический лексикон. Можно сказать, что он стал нормой нашей жизни, когда мы понимаем, что власть говорит одно, а подразумевает совсем другое. Когда одни и те же факты на уровне власти и общества влекут за собой прямо противоположные выводы. Когда действует система «двойных стандартов», или когда система оценок ценностей является полярной на уровне государственного управления и общества.

Если принять во внимание тот факт, что политически сильный лидер, как правило, является прекрасным оратором, то можно сказать, что он формирует «модный дискурс». Его логика аргументации отражается в сознании тех, кто его поддерживает.

К примеру, слово «модернизация» с того момента, как оно вошло в активный оборот политической риторики, в обществе воспринималось как «синоним оттепели, синоним интеллектуального и правового раскрепощения, но по мере нахождения автора этого лозунга у власти слово становилось своей противоположностью и фактически утратило свой исконный смысл» [9]. Поэтому сегодня слово «модернизация», звучащее с высоких трибун, в общественном сознании ассоциируется с разрушением, становится символом пародии на обновление. Как пишет С. Кара-Мурза: «...реформа 1990-х годов представлялась обществу как модернизация отечественной экономики – а теперь оказывается, что это был ее демонтаж, причем грубый, в виде разрушения «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия» [10. С. 148]. В данном случае логика аргументации строится на лжи, скрытой под маской обновления: «Ни в одном документе 1990-х годов не было сказано, что готовился демонтаж экономической системы России. Значит, власть следовала тайному плану. Она заведомо лгала обществу!» [10. С. 148].

Еще один пример двоемыслия в политической риторике власти – это употребление в речи политиков словосочетания «особый путь». Что оно означает четко обозначить и объяснить не удалось еще никому из политиков. За этим словосочетанием «маскируются» различные цели, которые в конкретный момент времени выгодны политической элите, по сути, это основа идеологии правящей партии. На такую маскировку указывал и Оруэлл, когда говорил, что политический язык должен состоять в большей мере из эвфемизмов, туманных фраз и неопределенности. В обществе словосочетание «особый путь» воспринимается как возврат к тоталитарному прошлому, но преподнесенный в красивой демократической упаковке.

Двоемыслие власти порождает двоемыслие в обществе. Термин для обозначения данного феномена был введен Юрием Левада, назвавшим его «лукавым двоемыслием». Он подчеркивал, что каждый человек «приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, т. е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры», и в то же время – что не менее важно – постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила» [11].

Ю. Левада, опираясь на данные, полученные в ходе социологических исследований, обозначил и описал основные черты «лукавого двоемыслия»:

- исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку (типа

«делаем вид, что работаем – делаем вид, что платим»);

- лукавое двоемыслие связано с особенностями функционирования собственно социальных норм (уклонение от гражданских обязанностей, от соблюдения правил уличного движения, от уплаты налогов);
- стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных);
- сосуществование и взаимодействие различных нормативных полей со своими критериями дозволенного–недозволенного, одобряемого–неодобряемого;
- отсутствие жестких разделительных линий, разграничивающих сферы одобряемого и неодобряемого поведения (уклонение от выполнения своих социальных обязанностей);
- такая форма лукавого поведения, как кривить душой «для пользы дела» [11].

Этот порочный круг двоемыслия, Ю. Левада считает «очерчен лукавым сознанием». Риторическая уловка сегодня выступает как формой выражения политики правящей группы, так и стимулом к конкретным/ответным действиям индивидуумов. Эксперты, исследователи политического дискурса России, уже подобрали эпитеты и определения, отражающие суть нового понимания двоемыслия сегодняшней политической риторики в России. К примеру, это такие, как: «языковой тоталитаризм», «фальшивый язык официоза», «истинная намеренная двусмысленность», «словесный разбой», «девальвация смысла».

Рефрейминг

Понятие рефрейминг прочно вошло в лексикон российских социологов, политологов, в связи с возросшим в последнее десятилетие в отечественной науке интересом к изучению теории фреймов. В отличие от теории рационального выбора, в теории фреймов предполагается, что люди делают свой выбор в зависимости от того, как преподнесено сообщение (фрейм).

В научный оборот термин «фрейм» был введен американским лингвистом Ч. Филлмором в 70-е гг. Термин фрейм (англ. frame – рамка) многозначен и имеет различные дефиниции в соответствии с областями научного знания. В социальных науках фрейм понимается как некая целостность, схема, сценарий, когнитивная модель [12]. Лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон указывают на то, что при помощи фреймов (ментальных рамок/гештальта) формируется наше мировоззрение (в русском переводе вместо фрейма используется термин гештальт) [13]. Дж. Лакофф указывает на то, что фреймы часто используют политики для влияния на электорат, в положительном значении для консолидации своего электората.

В наиболее общем значении рефрейминг определяется как процесс понимания, представления

действительности в сознании человека (создание рамки концепта) [13].

Исследовательница Гейл Ферхерст, преподаватель искусства коммуникации в университете Цинциннати (США), указывает, что фрейминг используется как процесс управления смыслом информации при помощи акцента на одних аспектах и исключения других (создание предпочтения через преувеличение/преуменьшение). Выбор фреймов осуществляется с целью влияния на восприятие смысла другими людьми, когда созданный фрейм должен восприниматься как истинный по сравнению с другими. Она описывает способы создания информационных фреймов:

- Метафора – придание нового смысла программе или идее путем сравнения ее с чем-то еще;
- Лозунги, мета-язык – популярные фразы, формулируемые в запоминающемся и знакомом формате;
- Традиции – регулярное подтверждение и воспроизведение организационных ценностей;
- Афоризм – формулировка (фрейминг) ярким, запоминающимся способом [14].

На основании изложенного, можно сделать следующий вывод: в политической риторике выигрывает тот политик, у которого фрейм сконструирован наиболее искусно, он выступает носителем смыслового концепта, посредством которого аудитория интерпретирует окружающую политическую, экономическую, социальную действительность.

Термин рефрейминг является производной термина фрейм. Рефрейминг, или смена фрейма, обозначает перемещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм [15]. Одним из способов создания рефрейминга является метафора.

В политической риторике метафора становится неотъемлемой частью аргументации в речи политика. Огромное значение метафоры в политическом дискурсе подчеркивают филологи А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, отмечая, что «политическая метафора есть речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [16. С. 189]. Кроме того, политическая метафора «позволяет увидеть ярко, картинно представить себе определенное явление жизни, кидает свет на самую сущность данного явления, позволяет лучше понять, оценить, определить его» [17]. Исследование идеологической направленности метафор предпринято в работе Е.Г. Казакевич, А.Н. Баранова, которые выявляют и обосновывают функции метафор в перестроечном дискурсе. Авторы А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов составили словарь русской политической метафоры (в словаре «Мир политики в зеркале метафор» рассматривается реальная политическая действительность и ее метафорическое отражение) [18].

Необходимо отметить, что как отечественными, так и зарубежными лингвистами отмечается, что в

период кризисного мышления (смена власти, перестройка) метафоры чаще используются в политике. Например, лингвисты Амстердамского университета провели масштабное исследование (1998 г.) для определения силы метафоры в политическом дискурсе и вывели метафорический коэффициент. В качестве объекта анализа использовались выступления 700 членов Европарламента с 1981 по 1993 гг. Рассчитав метафорический коэффициент, они доказали прямую зависимость между социально-экономическим положением в стране и частотой употребления метафоры в выступлениях политика. Основным выводом сводится к следующему: возрастание количества метафор в политическом дискурсе – признак кризиса в политической и экономической области [19]. Отечественные исследователи отмечают практическую значимость данного исследования в области мониторинга политического дискурса, что позволит делать прогнозы кризисного состояния мышления в обществе.

В политическом дискурсе рефрейминг часто используется в идеологическом контексте для достижения политических целей. С помощью языковых средств политик преследует цель повлиять на сознание аудитории, чтобы убедить ее в своей правоте и не допустить иной интерпретации смысла или оценки действительности. Но реальность, описываемая политиками, и ее осознание в обществе не всегда совпадают. К примеру, в сегодняшней политической риторике применяется рефрейминг такого понятия как «национальная идея». Президент страны постоянно меняет смысл данного понятия. Поначалу «национальной идеей» провозглашалась конкурентоспособность во всем. На Валдайском форуме в сентябре 2013 г. Президент заявил, что «национальная идея» должна основываться на национальной идентичности, призывая к патриотизму. В качестве метафоры В. Путин использовал образ России «цветущей сложности» (слова философа Константина Леонтьева) как государство-цивилизация, в котором и заключаются особенности нашего государственного устройства. Цитируя А. Солженицына, он назвал главной целью – сбережение народа [20]. Такой рефрейминг содержит и форму, и стимул к конкретным действиям.

Если сравнить национальную идею с навигатором, при помощи которого прокладывается курс национальной государственной политики (внутренней и внешней), то карта памяти в таком приборе должна содержать весь предшествующий накопленный исторический опыт. Следовательно, прокладывая курс по такой карте, можно выбрать и маршрут построения «светлого будущего», прямо противоположный заявленной Президентом иллюзорной идее-мечте, по сути, далекой и недостижимой.

«Духовные скрепы», как окрестили проект «национальная идея Путина» журналисты, не удастся интерпретировать ни на уровне экспертного научного сообщества, ни в среде самой властвующей элиты.

В связи с этим рефрейминг «национальной идеи» вызывает множество реинтерпретаций (реинтерпретация – уточнение и изменение смысла и значения первоначально интерпретируемой информации) двух типов: положительной и отрицательной [21]. В том смысле, что уточняются изменения смысла «национальной идеи». В положительной реинтерпретации хвалебных эпитетов больше, чем аргументов. В качестве примера приведем некоторые высказывания:

«Со времен Горбачева никто из руководителей нашей страны подобного не произносил...Я рассматриваю выступление Путина как политическое и идеологическое обоснование крайне необходимого изменения нынешнего курса и отставки этого правительства» [22].

«Путин уловил очень важный тренд: в условиях, когда социальные гарантии под вопросом, есть проблемы в этно-национальных отношениях, растёт разрыв между богатыми и бедными, нужно более четко прописать образ страны, к которой мы движемся... Политический пафос здесь совершенно не причем, но президент во многом прав» [23].

Реакция экспертного сообщества на рефрейминг «национальной идеи» в большинстве высказываний носит отрицательный характер. Приведем примеры, некоторых высказываний:

- «эксцентрично пафосная» идеология национальной идеи;
- «директивный набор неработающих гипертрадиционалистских ценностей»;
- «сборная солянка несочетаемых ингредиентов»;
- новая идея восстановления «архаичного, воинственного самодержавия».

Наиболее точно, на наш взгляд, прокомментировал рефрейминг «национальной идеи» политолог Павел Салин: «...по большому счету Путин продемонстрировал, что...власть будет идти тем курсом, который считает нужным, а разъяснять его или не будет вообще, или будет, но по минимуму» [24].

В результате анализа практики использования в политической риторике рефрейминга мы пришли к следующим выводам:

- поиски национальной идеи, по сути, символизируют кризис идеологического мышления в верхнем эшелоне власти, которая испытывает насущную потребность в объяснении и легитимации новой политической реальности;
- власть пытается создать «полигон идей», чтобы сформулировать тот общественный идеал, который станет опорой нынешнего политического режима и основой общенациональной солидарности;
- рефрейминг национальной идеи – это «латание идеологических дыр», образовавшихся в результате реформ постсоветского периода, при этом одной из «заплат» является возврат к идее коллективистского советского прошлого, тогда как процесс индивидуализации во всех социальных слоях уже привел к атомизации и проявлениям аномии в обществе.

Мифологизация

Понятие миф (греч. *mythos* – вымысел) понимается в науке как одна из форм построения реальности, «вымысел, служащий для олицетворения какой-нибудь идеи» [25]. В переносном значении миф – это недостоверный рассказ, выдумка [26]. Основные характеристики мифа: простота и очевидность. Как утверждает один из исследователей механизмов формирования социальной реальности В. Барлачук, в периоды социального кризиса в обществе востребованы нерациональные формы действительности, одной из которых является миф. По ее мнению: «...главная функция мифа – герменевтическая, функция истолкователя и интерпретатора действительности» [27. С. 34].

В политической риторике современной России миф становится нормой, поскольку «создана благоприятная почва для свободного передвижения мифологических концептов, не подвергаемых запрету со стороны официальной идеологии» [27. С. 40]. Кроме того, общество «ушибленное реформами», разочарованное идеалом «суверенной демократии» представляет собой привлекательный объект для внушения различных мифов. Политика переплетается с мифотворчеством и трансформируется в средство управления обществом, через «внушение устойчивых смыслов... сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрощения посредством создания символических «эрсцев» (суррогатов) политических действий и решений» [28. С. 62].

В современной политической риторике России миф, как некая абстрактная идея, объединяет людей, но по своему содержанию она далека от реальности. Мы предлагаем краткую формулировку некоторых мифов, созданных в последнее десятилетие, опираясь на исследования отечественных авторов, таких как Н.Г. Щербинина, М.А. Чикурова, Н.И. Березина и др. [29–31]:

- Миф о демократии. Данный миф направлен на то, чтобы в обществе сложилась оценка демократии как единственно правильной формы политического порядка.
- Миф о «суверенной демократии». Создан, чтобы обосновать «особый» российский путь демократических преобразований.
- Миф о свободе слова. Преобразуется постоянно с целью поддержания иллюзии о свободном доступе к достоверной информации и возможности публичной критики власти. С помощью данного мифа власть пытается скрыть существующий захват информационных ресурсов.
- Миф о свободных выборах. Ориентирован на то, чтобы доказать легитимность выборов и иллюзию участия населения в этом процессе.
- Миф о том, что Россия «поднялась с колен» и возродилась благодаря В.В. Путину. Формируется, чтобы доказать правильность проводимых реформ и оправдать захват сферы политического влияния.

Для более наглядного подтверждения процесса мифотворчества мы хотим сравнить миф о достижениях «путинского десятилетия» с его реальным отражением. Мы считаем, что мифы последнего десятилетия берут свое начало в создании мифологемы начала XXI столетия: героический образ «национального лидера» нового президента В.В. Путина, который обеспечит выход России из создавшегося кризиса и переход к новому политическому курсу. Следует отметить, что мифы самого Путина строятся на статистических данных.

В ежегодной «прямой линии с президентом» (15.12.2011) В. Путин рассуждал о достижениях, которые имели место в стране с 2000 г. По его словам, успехи есть во всех сферах общественной жизни. «В социальной сфере: в 2000 г. за чертой бедности было 29 % населения – «почти треть страны влачила нищенское существование», теперь же этот показатель сократился вдвое – 12 %. Растут реальные доходы населения, укреплены основы государственности, позиции России на международной арене» [32].

По словам Президента, кризис преодолен, отмечается рост «здоровой экономики, который составляет 4,2 %, тогда как в Европе – один с небольшим, в США «по нулям», а в некоторых странах и «в минусе». Инфляция была в 2000 г. 30 %, а сейчас рекордно низкая – шесть с небольшим процентов, что для России очень хороший показатель... Важнейший показатель здоровья экономики – уровень безработицы, который опустился ниже докризисного уровня. То же по долгам: внешний долг России сейчас 2,5 % – «почти ничего» [32].

Определяя задачи на перспективу, Путин говорил о том, что «необходимо укрепить политическую систему – она должна быть самодостаточной и «устойчивой от всяких проходимцев с внешней стороны». Нужно также расширить доверие к власти, развивать экономику, продвигать инновации...» [32].

Для сравнения приведем данные информационно-аналитического бюллетеня Института социологии РАН за 2013 г. Социологи отмечают что «в результате ошибок и неверно выбранной модели экономического и социального реформирования в 1990-е гг., по мнению россиян, произошло ухудшение практически во всех основных сферах жизни общества и государства. Причем ухудшение это коснулось в наибольшей степени именно тех сфер, которые прямо влияют на степень консолидированности российского общества» [33. С. 5].

Измеряя социально-психологическое самочувствие россиян, социологи акцентируют внимание на наиболее значимых проблемах современного российского общества:

- Деконсолидация.
- Распад интеграторов идентичности.
- Атомизация.
- Нарастание отчуждения.
- Разрушение социальных связей в обществе.

- Недоверие ко всем институтам власти и т. д. [33. С. 50–52].

Самочувствие россиян по мнению исследователей выражается в проявлении таких чувств как:

- «чувство несправедливости всего происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян сложившегося в России миропорядка, испытывает хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), причем 46 % испытывают его часто» [33. С. 18].
 - «чувство стыда за нынешнее состояние своей страны устойчиво ощущает каждый четвертый россиянин до 25 лет и лишь 3 % (от общего числа респондентов в разных возрастных группах) не испытывают практически никогда... отрицание сложившегося в России «порядка вещей», «правил игры» и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но зачастую и позорными» [33. С. 19].
 - «чувство того, что дальше так жить нельзя... в группе респондентов до 30 лет каждый пятый это устойчиво ощущает. Аналогичные показатели характеризуют и вполне благополучные с точки зрения душевых доходов группы. Более того в плане пространственной локализации носители этого чувства сосредоточены отнюдь не в глубинке, они достаточно равномерно распределены по всем типам поселений и даже в мегаполисах их доля составляет четверть населения» [33. С. 20].
 - «не очень верят в то, что остается потерпеть еще немного, и жизнь наладится. В российском обществе в последние годы нарастает распространенность негативно окрашенных социальных чувств, меняется локализация этих чувств, которые начинают все более равномерно распределяться по всем группам и слоям общества, и они оказываются все теснее связаны друг с другом. Это свидетельствует о том, что все большую роль в их распространенности начинают играть факторы макроуровня (неприемлемость сложившихся «правил игры», институциональные ограничения и т. п.)» [33. С. 22].
- Главный вывод социологов сводится к тому, что такое самочувствие в обществе «не может не образовывать поистине «гремучую смесь», чреватую серьезными рисками для консолидации российского общества» [33. С. 22]. По нашему мнению, мифологемы «путинского десятилетия» используются для создания стереотипов восприятия окружающей действительности, соответствующей интересам и легитимации конкретного политического лидера, но не в интересах общества в целом.
- Подводя итог, следует подчеркнуть, что риторические уловки современных российских политиков подрывают доверие общества и становятся серьезным препятствием для ведения реального диалога между властью и обществом. Основной вывод исследования можно сформулировать в следующих тезисах:
- применение риторических уловок символизирует кризис идеологии властвующей элиты;

- стремление власти оградить себя от нарастающей возможности социального взрыва приводит политиков к необходимости обеспечить легитимность политического режима, через создание псевдореальности (миф);
- императивы аргументации формируются в тех конструктах, которые власть создает при помощи риторических уловок, скрывая истинные намерения и навязывая обществу единственно правильное понимание (то есть то, которое выгодно правящей элите);
- достижение согласия, захват внимания потенциального электората сегодняшним политическим лидерам намного важнее, чем поиск идей для реального преодоления существующих проблем;
- в войне «идейных конструктов» между политическими группировками главным оружием становятся риторические уловки;
- применение риторических уловок порождает противостояние между теми, кто создает конструкты (мифы, фреймы, двусмысленные установки), и теми, кто их пытается разоблачать (экспертное сообщество);
- в «расколоте» российском обществе усиливаются проявления аномии;
- индикатором кризисного состояния мышления в обществе является лишенная аргументации риторика российских политиков, которые вынуждены прибегать для достижения своих целей к риторическим уловкам.

Почти двести лет назад русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин сказал: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления» [34]. Возможно, политики взяли на вооружение этот принцип, но общество испытывает все меньше иллюзий по поводу будущего такой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Johnston D.P. The Art and Science of Persuasion. – Dubuque, Iowa: W.C. Brown, 1994. – 404 p.
2. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
3. Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д.А. Уэланера. – М.: Изд. Дом Гос. ун.-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
4. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуновой. – М.: Гнозис, 2002. 192 с.
5. Perelman Ch. Formal logic and Informal Logic. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. – 312 p.
6. Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities. Dordrecht, Holland: D. Reided Publishing Company, 1979. – 197 p.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
8. Оруэлл Дж., Далос Д. Романы / пер. с англ. – М.: Текст, РИК «Культура», 1992. – 432 с.
9. Ланин Б. Семинар. Язык власти и власть языка: возвращение двоемыслия. РОО KENNAN. Институт Кеннана в России. 2007–2011. URL: <http://www.kennan.ru/index.php/Novosti/Yazyk-vlasti-i-vlast-yazyka-vozhraschenie-dvoemysliya/Seminar-Yazyk-vlasti-i-vlast-yazyka-vozhraschenie-dvoemysliya> (дата обращения: 11.03.2014).
10. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
11. Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. Ю. Левада. – М.: ВЦИОМ, 2000. – № 1. – С. 19–27.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 187–189.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
14. Gail T. Fairhurst. The Art of Framing. – San Francisco: Jossey-Bass, 1996. – 213 p.
15. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda-setting, and priming: the evolution of three media effects models // Journal of communication. – 2007. – V. 57. – P. 9–20.
16. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: ИНИОН, 1991. – 249 с.
17. Эльсберг Я. Образ в публицистике // Вопросы литературы. – 1960. – № 10. – С. 18–27.
18. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
19. Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3. По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» / под ред. Г.П. Артёмова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. – 79 с.
20. Стенограмма: Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 1998–2014. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 16.12.2013).
21. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/r/reinterpretaci8.html (дата обращения: 15.03.2014).
22. Зюганов поддержал заявление Путина о национальной идее: Но необходимы новый курс и отставка правительства // Институт Информационных Технологий. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/9/20/22324674> (дата обращения: 15.10.2013).
23. Путин ищет национальную идею // Свободная Пресса. 2009. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/74555/> (дата обращения 15.10.2013).
24. Петров В.К. Экспертные оценки выступления Владимира Путина на Валдайском форуме // Сайт консалтинговой группы юридических компаний «Финансы. Право. Менеджмент». 1994–2010. URL: <http://lawinrussia.ru/node/285611> (дата обращения: 16.12.2013).
25. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А.Н. Чудинова. Изд. 3-е, исправ. и доп. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.
26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 763 с.
27. Барлачук В. Символ и власть: Роль символических структур в построении картины социального мира. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 266 с.
28. Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
29. Щербинина Н.Г. Героический миф в конструировании политической реальности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2008. – 39 с.

30. Березина Н.И. Миф как политический институт: Проблемы определения // *Философия права*. – 2007. – № 1. – С. 57–59.
31. Чикурова М.А. Политическая жизнь мифа // *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС*. – 2007. – № 1. – С. 149–156.
32. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным» // *Российская газета*. 1998–2014. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (дата обращения: 18.12.2011).
33. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 54 с.
34. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. – М.: Изд-во «Правда», 1988. – 574 с.

Поступила 31.03.2014 г.

UDC 316.776

CONTOURS OF PUBLIC POLICY AND TECHNOLOGIES OF POLITICAL RHETORIC IN MODERN RUSSIA

Anna Yu. Karpova,

Cand. Sc., Tomsk polytechnic university, 30, Lenin Avenue,
Tomsk, 634050, Russia. E-mail: belts@tpu.ru

The study is relevant due to necessity and importance of researching the changes in the technology of political rhetoric used as a tool to manipulate public consciousness. The work aim is to outline the basic contours of contemporary political rhetoric in Russia, to describe what kind of reaction is caused by rhetorical tricks among the experts (sociologists, political scientists, journalists etc.) and to explore the reflection of such a «language game» in society.

Methods: comparative analysis, secondary data analysis of sociological research.

Results: Performativity (as action) of modern political speeches is a significant difference from the political discourse of Russia of a previous period. Contours of public policy in modern Russia are manifested through internal phenomena, rhetorical tricks of political leaders. Political rhetoric today acts both as a form for expressing the course of the ruling group and as stimulation to specific political actions.

Conclusions: The doublethink of the authorities masks different purposes that are beneficial to the political elite at given time, in fact it is the basis of the ruling party ideology. The doublethink of the authorities generates doublethink in the society. Reframing leads to the case that in today's politics wins the one who has the most artfully designed frame, the one acts as the carrier of concept by which the audience interprets the surrounding political, economic and social reality. The mythologizing becomes one of non-rational means of social control. In general, the rhetorical tricks of modern Russian politicians undermine the trust of the society and become a serious obstacle for real dialogue between the authorities and the society.

Key words:

Technology, political discourse, political rhetoric, argumentation, doublethink, frame, reframing, metaphor, myth, mythologizing

REFERENCES

- Johnston D.P. *The Art and Science of Persuasion*. Dubuque, Iowa, W.C. Brown, 1994. 404 p.
- Kara-Murza S.G. *Kratky kurs manipulyatsii soznaniem* [Brief course of consciousness manipulation]. Moscow, Eksmo, 2003. 448 p.
- Hirshman A. *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost, opasnost* [Rhetoric of reaction: inversion, frustration, danger]. Transl. from English D.A. Uzlanera. Moscow, Gos. Universitet Press, 2010. 208 p.
- Virilio P. *Informacionnaya bomba. Strategiya obmana* [Information bomb. Fraud strategy]. Ed. I. Okuneva. Moscow, Gnozis, 2002. 192 p.
- Perelman Ch. *Formal logic and Informal Logic*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1989. p. 11. 312 p.
- Perelman Ch. *The New Rhetoric and the Humanities*. Dordrecht, Holland, D. Reided Publishing Company, 1979. 197 p.
- Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti*. Translated from French. Moscow, Kastal, 1996. 448 p.
- Oruell Dzh., Dalosh D. *Romany* [Novels]. Moscow, Tekst, RIK Kultura, 1992. 432 p.
- Lanin B. *Zyzyk vlasti i vlast zazyka: vozvrashchenie dvoemysliya*. Seminar [Power language and language power: double think return]. *KENNAN. Institut Kennana v Rossii*. 2007–2011. Available at: <http://www.kennan.ru/index.php/Novosti/YAzyk-vlasti-i-vlast-zazyka-vozvrashchenie-dvoemysliya/Seminar-YAzyk-vlasti-i-vlast-zazyka-vozvrashchenie-dvoemysliya> (accessed 11 March 2014).
- Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomia in Russia: reasons and aspects]. Moscow, Nauchny ekspert, 2013. 264 p.
- Levada Yu. *Chelovek lukavy: dvoemyslie po-rossiyski* [Ungodly man: double think in Russian]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economical and social changes]. Ed. Yu. Levada. 2000, no. 1, pp. 19–27.
- Kratky slovar kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Moscow, Filologichesky fakultet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. pp.187–189.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors which we live with]. Translated from English, Ed. A.N. Baranova. Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p.
- Gail T. Fairhurst. *The Art of Framing*. San Francisco, Jossey-Bass, 1996. 213 p.
- Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda-setting, and priming: the evolution of three media effects models. *Journal of communication*, 2007, vol. 57, pp. 9–20.
- Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (materials to the dictionary)]. Moscow, INION, 1991. 249 p.

17. Elsberg Ya. *Obraz v publitsistike* [Image in political journalism]. *Voprosy literatury*, 1960, no. 10, pp. 18–27.
18. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Slovar russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow, Pomovsky i partnery, 1994. 330 p.
19. *Politichesky analiz: Doklady Tsentra empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SPbGU. Po materialam problemnogo seminarina «Grazhdanskaya kultura i formirovanie demokraticeskikh institutov» v ramkakh II Rossiyskogo obshchestvenno-nauchnogo Forumina «Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii»* [Political analysis: Reports of the center of empirical political researches of SPbGU. On the materials of problematic seminar «Civil culture and formation of democratic institutes» within the frames of II of Russian social and scientific forum «Formation of civil society in Russia»]. Ed. G.P. Artyomova. Saint Petersburg, S.-Petersburg university Press, 2002. Iss. 3, 79 p.
20. Stenogramma: Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valday» [Speech of V. Putin at the «Valday» meeting]. *Rossiyskaya gazeta*. 1998–2014. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (accessed 16 December 2013).
21. Yatsenko N.E. *Tolkovy slovar obshchestvovedcheskikh terminov* [Explanatory dictionary of social science terms]. 1999. Available at: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/r/reinterpretaci8.html (accessed 15 March 2014).
22. Zyuganov podderzhal zayavlenie Putina o natsionalnoy idee: No neobkhodimy novy kurs i otstavka pravitelstva [Zyuganov supported Putin's statement on national idea: but the new course and the resignation of the government are necessary]. *Institut Informatsionnykh Tekhnology*. Available at: <http://www.nakanune.ru/news/2013/9/20/22324674/> (accessed 15 October 2013).
23. Putin ishchet natsionalnuyu ideyu. *Svobodnaya pressa*. 2009. Available at: <http://svpressa.ru/politic/article/74555/> (accessed 15 October 2013).
24. Salin P. *Ekspertnye otsenki vystupleniya Vladimira Putina na Valdayskom forume* [Expert assessment of Vladimir Putin speech at the Valday forum]. Available at: <http://lawinrussia.ru/node/285611> (accessed 16 December 2013).
25. Chudinov A.N. *Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included into Russian language]. Saint-Petersburg, V.I. Gubinskogo Publ., 1910.
26. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovy slovar* [Explanatory dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1949–1992. 763 p.
27. Barlachuk V. *Simvol i vlast: Rol simvolicheskikh struktur v postroenii kartiny sotsialnogo mira* [Symbol and power: role of symbolic structures while forming social world]. Kiev, Institut sotsiologii NAN Ukrainy, 2002. 266 p.
28. Potseluev S.P. *Simvolicheskaya politika kak instsenirovanie i estetizatsiya* [Symbolic politics as staging and aestheticization]. *Polis*, 1999, no. 5, pp. 62–75.
29. Shcherbinina N.G. *Geroichesky mif v konstruirovanii politicheskoy realnosti Rossii*. Avtoreferat Diss. Dokt. nauk [Heroic myth in forming political reality in Russia. Dr. Diss. Abstract]. Moscow, 2008. 39 p.
30. Berezina N.I. *Mif kak politichesky institut: Problemy opredeleniya* [Myth as a political institute: problems of definition]. *Filosofiya prava*, 2007, no. 1, pp. 57–59.
31. Chikurova M.A. *Politicheskaya zhizn mifa* [Myth political life]. *Sotsiologiya vlasti: Vestnik Sotsiologicheskogo tsentra RAGS*, 2007, no. 1, pp. 149–156.
32. *Stenogramma programmy «Razgovor s Vladimirom Putinyem»* [dialogue with Vladimir Putin. Stenogram]. Available at: <http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (accessed 18 December 2011).
33. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. *Sotsiokulturnye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Social and cultural factors of Russian society consolidation]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2013. 54 p.
34. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Pravda Publ., 1988. Vol. 1, 574 p.